

Круглый стол

О методологии изучения истории права в Школе исторических наук Факультета гуманитарных наук НИУ «Высшая школа экономики»¹

Материалы

31 марта 2025 г. в Школе исторических наук Факультета гуманитарных наук НИУ «Высшая школа экономики» (далее — ШИН) прошел круглый стол на тему «Современная история права: методология исследований». Мероприятие было посвящено подходам к изучению истории правовых идей и институций, которые могут претендовать на статус современных, а также применимости к истории права теоретических концептов, используемых в современных социальных и гуманитарных науках. Участники последовательно отвечали на вопросы о сильных и слабых ролевых позициях историка и юриста в ходе проведения исследования в области истории права, об эффективности традиционных методов исследований и их предметной области.

Ведущими круглого стола выступили руководитель ШИН, к.и.н., доцент Г. О. Бабкова, профессор ШИН, д.и.н., д.ю.н. А. С. Туманова, профессор ШИН, д.и.н. К. А. Соловьев и доцент Департамента истории Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств НИУ ВШЭ, к.и.н., PhD Т. Ю. Борисова.

В дискуссии приняли участие специалисты в области исторических, юридических и философских наук: ординарный профессор НИУ ВШЭ, профессор Департамента политики и управления Факультета социальных наук НИУ ВШЭ, д.ф.н. А. Н. Медушевский, заслуженный юрист Российской Федерации, ведущий на-

1 Обзор подготовлен в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 г.

учный сотрудник сектора философии права, теории и истории государства и права Института государства и права РАН, д.ю.н. С. В. Кодан, профессор Департамента теории права и сравнительного правоведения Факультета права НИУ ВШЭ, д.ю.н. Д. Ю. Полдников, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), д.ю.н. К. П. Краковский, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, к.и.н. И. И. Верняев, ведущий научный сотрудник Института региональных исторических исследований, профессор ШИН, д.и.н. Е. А. Крестьянников, профессор кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, д.ю.н. Н. С. Нижник, научный сотрудник ШИН, PhD М. Меллина, главный редактор журнала «Закон», PhD А. Н. Верещагин, заместитель главного редактора журнала «Российская юстиция», к.ю.н. Е. А. Поворова, старший преподаватель ШИН, академический руководитель образовательной программы «История» М. С. Петрова, доцент кафедры теории и истории государства и права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), к.ю.н., к.и.н. М. Б. Аверин. В круглом столе также участвовали научный руководитель ШИН, ординарный профессор д.и.н. А. Б. Каменский, доцент ШИН, к.и.н. Е. В. Акельев, старший преподаватель ШИН к.и.н. А. О. Видничук, доцент Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) к.ю.н. А. П. Сопова. Приводим краткий обзор выступлений участников.

Бабкова Г. О. — вступительное слово: Идея круглого стола, который собрал вместе представителей исторического и юридического сообществ, занимающихся вопросами истории государства и права, возникла в 2024 г. в процессе подготовки «Серовских чтений». Это мероприятие, ежегодно организуемое ШИН в память об одном из лучших знатоков истории отечественного

суда и следствия первой четверти XVIII в. — Дмитрию Олеговиче Серове.

Почему это начинание показалось нам важным? Много лет назад я принимала участие в «Кутафинских чтениях», где представляла доклад о проектах Екатерины II по обновлению уголовного права и процесса. В докладе среди прочего шла речь о проекте «Уголовного уложения» 1770-х гг. Это один из крупнейших екатерининских проектов, в котором для обозначения уголовно наказуемых деяний императрица использовала словосочетание «уголовное преступление». С точки зрения современного юридического языка это грубая терминологическая ошибка, и именно так она была воспринята коллегами-юристами, слушавшими доклад. Мне казалось важным и достаточным оперировать терминами эпохи, то есть XVIII в.; для участвовавших в чтениях правоведов первостепенной виделась современная юридическая терминология. В итоге диалога не получилось, а он очень нужен. Ведь историки могут привнести свое знание источников и исторического контекста; юристы — взгляд на норму с точки зрения современного состояния права и его терминологического аппарата.

Благодаря Анастасии Сергеевне Тумановой родилась идея круглого стола. Здесь собрались специалисты высокого уровня — историки и юристы, занимающиеся историей права или, к примеру, историей преступности XVIII–XIX вв. Круглый стол мы проведем в формате дискуссий по определенным проблемам, которые, как нам кажется, помогут найти точки соприкосновения и обозначить возможные темы и сюжеты для дальнейших исследований.

Туманова А. С.: Позволю себе несколько общих размышлений, проясняющих идею круглого стола. Мы, то есть историки и юристы, изучающие историю права, собрались здесь для диалога. Почему нам кажется важным подобный диалог?

Мир, в котором мы живем, стремительно меняется. Гуманитарное знание не стоит на месте. XX в. принес целый ряд новых

подходов. Нам, как историкам империи, близка, например, «новая имперская история». Новые пути исследований с точки зрения принятия во внимание культурных различий дает антропологический подход. Влиятельным направлением следует признать лингвистические исследования, смещающие внимание исследователя на язык и его воздействие на восприятие историком реальности. В рамках истории права актуальны концепции «правовой традиции» и «правовой культуры», правового этоса и правового дуализма. Существуют социальная история права, производная от направления «право и общество», а также культурная история права. Научный руководитель ШИН профессор А. Б. Каменский предлагает смотреть на историю права сквозь призму правовых и социальных институтов — историю суда, следствия, заниматься изучением не закона, но практик, правосудия и правоприменения. Такая традиция существует и в рамках изучения истории права юристами. Так, авторитетный правовед С. В. Кодан работает в предметных полях истории понятий, юридического источниковедения, юридической историографии, то есть расширяет пространство традиционных правовых исследований.

Магистральный вопрос нашего обсуждения мне видится следующим: должны ли исследования в области истории права включаться в методологический контекст современных социогуманитарных подходов или же нет? Так, Макс Вебер говорил мюнхенским студентам столетие назад, в 1918 г., что наука вступила в стадию специализации, какой не знали прежде, и отдельный исследователь может создать что-либо завершённое лишь при условии строжайшей специализации.

Если история права будет открыта для междисциплинарных методологических построений, то возникает вопрос: как она сможет вобрать в себя эти концепты? Может ли история права служить полем для междисциплинарных исследований?

На нашем круглом столе собрались как историки, так и юристы, у нас присутствуют два редактора крупных юридических изда-

ний. Представляется, что нам важно «инвентаризировать» наши подходы, обсудить лаборатории наших исследований. Диалог представителей двух сообществ видится крайне важным.

Давайте поговорим о том, каким должно быть сегодня историко-правовое исследование и какими мы видим его главные черты. Возможно, что в рамках разговора нам следует указать на некие исследования, которые кажутся нам пионерскими, на подходы, которые востребованы. Это могут быть исследования, оказавшие на нас влияние.

Заседание 1.

Вопросы для обсуждения: История права: это история или право? Каковы сильные и слабые ролевые позиции историка и юриста в ходе проведения историко-правового исследования?

Туманова А. С.: Первый вопрос, который мы задаем участникам круглого стола, состоит в том, как современному исследователю следует понимать историю права? Очевидно, что это междисциплинарная область. Является ли она в большей мере историей или в большей степени правом? И позвольте мне также задать производный вопрос о нашем понимании истории права, о том, какими нам видятся сильные и слабые ролевые позиции профессионального историка и профессионального юриста, занимающихся историко-правовыми исследованиями?

Петрова М. С.: Очень актуальный вопрос. Галина Олеговна [Бабкова] уже упомянула вопрос терминологии. Четыре года подряд в ходе написания бакалаврского диплома я знала, что есть исторические источники. Однако, обучаясь на магистерской программе факультета права «История, теория и философия права», я узнала и об *источниках права*. Это уже иное понятие, включающее в себя правовой обычай, нормативно-правовой акт, судебный прецедент и др. Очевидно, что существует коллизия двух дисциплинарных

полей. И вопрос терминологии здесь ключевой. Найти единое понимание сложно. Говорю из своего исследовательского опыта: есть история права и есть... история права. Консенсуса между двумя подходами достичь трудно.

Медушевский А. Н.: Вопрос поставлен очень странно. Найти единый метод для историко-правовых исследований, как мне кажется, невозможно. Это междисциплинарная область исследований, и поэтому важно понять, чем мы руководствуемся. Я решаю этот вопрос с позиции когнитивной психологии. Доминирующим направлением современного гуманитарного знания является именно психология, в особенности нейронауки, которые позволяют анализировать сам процесс познания. Когнитивные науки — когнитивная история, когнитивное правоведение — заняты вопросом, как мы конструируем реальность, как воспринимаем, перерабатываем и интерпретируем информацию. Важен интегративный взгляд на гуманитарные науки. С этих позиций можно использовать разные методы в зависимости от целей и задач исследования. Историко-правовые исследования могут быть реализованы с использованием разных подходов: исторических, правовых, социологических. Критерием научности здесь является доказательность. Мы говорим о междисциплинарной области, где есть возможность реализовать все поставленные задачи: соединить исторический метод (рассматривать эволюцию процессов во времени), юридические подходы (нормативизм и пр.), социологические, если нас интересует функционирование нормы в социальной среде, — и решать более конкретные вопросы.

Для исследований в области истории права большое значение имеют такие понятия, как преобразование и изменение права. Преобразование — скорее исторический подход, изменение права — это изменение в тексте закона, которым занимаются юристы. Переходя от преобразования к изменению правовых норм, мы можем получить ответ, почему эта норма должна была быть изменена в конкретном обществе, в конкретное время и каковы социальные

последствия этих процессов. Таким образом, соединение исторического и юридического подходов продуктивно как для анализа социальных явлений, так и для их синтеза, и позволяет осуществлять прогнозирование, если его понимать как доказательное изучение устойчивых социальных тенденций.

Верняев И. И.: Междисциплинарные границы нужно преодолевать, но не ломать. Так, я долгое время принадлежал к сообществу антропологов. А антропология за последние десятилетия прошла большой путь. Бронислав Малиновский предложил холистский взгляд — все сферы общественной жизни функционально взаимосвязаны. Схож и марксистский подход. Современная антропология исходит из относительной самостоятельности социальных доменов. Юридическая антропология долгое время была нормативистской. Затем доминирующим стал процессуалистский подход. Сейчас популярен легалистский подход: правовая сфера — относительно автономный домен. Юридические антропологи пытаются анализировать, как это делают юристы, категориальную реальность как самостоятельный ресурс. Историкам это кажется странным, поскольку здесь не учитывается контекст. Но домен права имеет собственную логику, и ее нужно понимать. Границы дисциплин надо преодолевать с уважением, не подходить к этому механически.

Кодан С. В.: Мы вышли на очень интересную проблему: у нас квартира одна, но просматриваются элементы *коммунальной* квартиры. Возникает вопрос: как делить пространство? Я считаю, что это не столько одна наука, сколько одно исследовательское пространство. Мы говорим о междисциплинарности, но она уже заложена в самой истории. Важно сохранять специфику каждой дисциплины. Говорить только об истории права недостаточно — это историко-правовая сфера общественной деятельности. А. Н. Медушевский поставил проблему проекции — что мы исследуем и для чего. Здесь перекликаются моменты предметности исследования и его методологии. Набор методов конкретного исследования,

конечно, предполагает понимание познавательного пространства. Мы иногда сгущаем краски, когда говорим о междисциплинарной разрозненности. Вопрос не только в том, как искать общее методологическое единство, — у профессиональных историков и юристов возникает проблема поиска единого языка.

Второй момент — методология, а именно система подходов. Методологическая система создает общее пространство. По долгу службы я занимаюсь рассмотрением диссертаций. Часто юристы плохо подготовлены для исторических исследований, не умеют работать с источниками. Другая проблема — это соотношение «исторические источники и источники права». Юристы говорят об источниках как о форме права. Но с точки зрения источниковедения это отдельная сфера. Основное непонимание состоит не столько в междисциплинарности, сколько в борьбе за «чистоту науки» — особенно со стороны юристов, когда считается, что использование методов других наук размывает дисциплину. Но есть проблемы, на мой взгляд, и со стороны историков. В их исследованиях просматривается серьезная непроработка политико-юридических сюжетов.

История государства и права, если ее развивать в классическом варианте, должна преодолеть дискретность, которая сложилась в советское время между дореволюционной и современной наукой, не забывая при этом, что нужно сохранять то ценное, что было накоплено в советский период историко-юридических исследований. Исследователям необходимо выходить на достаточно широкие контексты, а это не всегда происходит. Наша междисциплинарность нередко выражается в том, что мы рассматриваем государство и право как примитивные схемы. Широкий контекст был удачно представлен Б. Н. Мироновым — его «Социальная история России» включает в себя и юридический аспект. То, что мы здесь собрались для обсуждения общего пространства, — феномен времени. Нельзя изучать историю России без историко-правовых сюжетов и наоборот — историю госу-

дарства и права без современных наработок в области всеобщей и отечественной истории.

Туманова А. С.: Предмет истории права зависит еще и от того, как мы понимаем право. Применительно к праву существует несколько подходов. Право определяется как социальный институт, интегрированный в систему других институтов и зависимый от них. И право же определяется как реализованная в законе воля правителя. Второй подход, отождествляющий право с законом, предполагает, что на юридических факультетах готовят законоведов, а историк права исследуют преимущественно законодательство. На мой взгляд, это неверный подход, поскольку право не сводится к закону.

Краковский К. П.: В истории русского права произошла метаморфоза. Раньше, до 1917 г., на юрфаках существовало две фундаментальные дисциплины — римское право и история русского права, которые формировали основу юридического образования. Это было обусловлено единством Полного собрания законов Российской империи (далее — ПСЗ) и Сводом законов Российской империи (под каждой статьей Свода законов была ссылка на исторический правовой источник) и значением именно римского права как классического права для общества товаропроизводителей. Отмена «старого права» и ликвидация рынка после октября 1917 г., как и последующая ликвидация юридических факультетов с заменой их суррогатными формами — правовыми отделениями факультетов общественных наук, привели к утрате значения этих фундаментальных дисциплин. Восстановление последних в учебных планах юрфаков через десятилетия не означало восстановления их значения. Таким образом, история права пребывает сейчас в форме междисциплинарной области знаний.

Туманова А. С.: Мы стремимся к объединению сообществ — к сотрудничеству. И мы можем быть полезны друг другу. П. Ю. Уваров писал, что историки делятся на тех, кто работает с источниками и кто нет. И такая ситуация не только у историков. У правоведов,

занимающихся историей права, аналогичные проблемы. Так, существует негласное правило, что если ты занимаешься крупной темой, к примеру историей систематизации права в тот или иной период, то ты не обязан обращаться к архивным источникам — достаточно законодательных документов. Видимо, как для историка, так и для историка права обращение к архивному источнику — железная необходимость.

Полдников Д. Ю.: Предлагаю задать себе принципиальный вопрос: зачем мы занимаемся историей права? Ради самой науки или ради общества? Мы собрались здесь потому, что нам интересна история права, это наше общее пространство. Но кроме узкого научного сообщества есть более широкий мир: университет, город, страна. Если заниматься историей права ради науки, то наша цель — истина. Мы пытаемся восстановить ход событий, найти причины изучаемых явлений, то есть описать и объяснить. Но если цель историка права — работа на благо общества, то необходимо с помощью истории права формировать профессиональные компетенции историка и юриста. Общество меняется — знание тоже. Мы должны искать ответы на такие вопросы: можно ли реконструировать прошлое? Если да — что это дает современности? Сегодня история права особенно востребована. Мы находимся в условиях острого геополитического конфликта. Чтобы выстоять в нем, нужно сохранить свою коллективную идентичность, укорененную в нашем общем прошлом. И здесь историко-правовые исследования особенно важны.

Соловьев К. А.: Хочу начать с двух образов, возникших в ходе нашего обсуждения. Первый — заблудший странник в дремучем лесу: не так важно, какие методы вы используете, но если вы заблудились в лесу и все же вышли из него — значит, вы все сделали правильно. Второй — коммунальная квартира, в которой делится не только плита, но и в действительности все остальное. Сложно придумать историческое исследование, которое не было бы историей права: будь то изучение государства, власти, социальных прак-

тик, сословной дифференциации, общественной мысли. Какие бы мы практики ни взяли, мы выходим на правовые сюжеты. Это снимает проблему противопоставления: мы занимаемся общим делом, но в то же самое время мы разные, и это хорошо. У нас разный угол зрения. Ведь разные не только историки и юристы, внутри этих групп тоже много различий.

Читая диссертации, я часто вижу: это тексты из разных вселенных. Историки не всегда считают юридическую составляющую, не всегда им хватает зоркости, чтобы увидеть институты за частными случаями. Но и юристам стоит поучиться. Диссертации в области юридических наук часто отличает отсутствие элементарных навыков источниковедческого и историографического анализа. Часто в исследованиях нет ссылок на канонические тексты.

Бабкова Г. О.: В рамках разгоревшейся дискуссии хотелось бы отметить два момента. Если история права предполагает построение прогностических моделей, то вне зависимости от того, как будут эволюционировать методы, важно иметь верифицированную источниковую базу. Только она может сделать любую модель обоснованной. И в этой связи встает очень важный вопрос. Чему мы учим в рамках привычных дисциплин по истории государства и права? Содержат ли учебные материалы эту самую базу, хотя бы в самых общих чертах?

С сожалением приходится констатировать, что далеко не всегда. Приведу пример, касающийся смягчения санкций применительно к малолетним преступникам, который обычно датируется 1744 г. Его связывают с гуманистическими веяниями царствования Елизаветы Петровны, упуская из виду важнейший сущностный момент. Данный указ не имел юридической силы, поскольку так и не был введен в действие Елизаветой, хотя пять раз передавался ей на утверждение. Без подписи он фигурирует и в ПСЗ.

Этот факт подтверждает необходимость выхода за пределы легалистской и нормативистской парадигм и обращения к конкрет-

ным практикам законотворчества и правоприменения. Их можно изучать только методами источниковедения и через налаживание диалога между историками и юристами.

Туманова А. С.: Продолжу метафору коммунальной квартиры. В ней живут и историки, и юристы — и у каждого свои приборы, привычки, свои правила. В сообществе историков права, готовящих диссертационные исследования, необязательно оглядываться на историков, ссылаться на их работы, учитывать их подходы. В историческом сообществе такое тоже зачастую сохраняется. То есть получается, что наши сообщества существуют и движутся обособленно. Историки больше внимания уделяют современной социогуманитарной методологии, правоведы — существенно меньше. Они в большей степени используют традиционные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой и пр. Мы говорим о развитии историко-правовых исследований в условиях разнонаправленных подходов.

Заседание 2.

Вопрос для обсуждения: Какова предметная область истории права и насколько она географически обусловлена?

Соловьев К. А.: Когда мы говорим о праве, то разговор часто уходит в понятийную сферу. Насколько можно рассуждать об общих проблемах права в разных регионах? Как обстоит дело с правом в Китае, Индии, исламском мире? Является ли право универсальной категорией?

С. В. Кодан говорил, что у юриста есть преимущество — строгий понятийный аппарат. Это преимущество или недостаток? Может быть, неясность в понятиях — это тоже своеобразный ресурс? Это позволяет проблематизировать то, что, как кажется, не нуждается в пояснении.

Медушевский А. Н.: Остановлюсь на нескольких вопросах, раскрывающих проблемную область истории и права, исходя из изме-

нений современной науки, существующей в условиях глобализации. Первый момент — определение предметной области зависит от того, что мы понимаем под правом. Единства здесь нет, существуют как минимум три школы: естественное право, понимающее право как справедливость; нормативизм, трактующий право как закон; реализм, понимающий под правом то, что судья говорит в каждом конкретном деле. Если мы конструируем историю права, то выбираем один из этих подходов. Между ними возможен синтез на метауровне, который в настоящее время представлен когнитивной лингвистикой — она показывает, что существуют разные способы говорить о праве: дескриптивный и прескриптивный. С позиции правовой науки мы конструируем разные области, в том числе разные области исследования истории права.

Второй момент — существует географическое разделение правовых школ: романо-германская, англосаксонская, социалистическая, исламская, китайская и т.д. Если принять подход, что конструирование правовых традиций зависит от целей исследования, то количество правовых цивилизаций можно трактовать по-разному.

Третий момент — чтобы добиться доказательности исследования, нужно говорить о сравнении сравнимого, и это предполагает ввод промежуточного звена и ясных критериев сопоставления. Без этого сравнение будет бессмысленным. Проблема критериев крайне важна. Сам подход к сравнению правовых явлений изменяется в связи с глобализацией. Раньше правовые традиции считались устойчивыми явлениями, теперь — конструируемыми. Например, Э. Хобсбаум ввел понятие «изобретенная традиция». Это не обращение к прошлому, а современная политическая конструкция. Возьмем вопрос: крепостное право — это традиция или ее изобретение? Сам предмет исследования определяет уровень обобщения. Таким образом, возникает вопрос: можем ли мы сравнивать абстрактные понятия?

Еще один важный момент — географический, который нуждается в пересмотре в связи с попыткой выработки универсаль-

ных стандартов права — концепцией глобального конституционализма. Существует два подхода: первый — все есть единый процесс правовых традиций, второй — процесс интеграции уступает процессу фрагментации и диверсификации. Это не только теоретическая, но и практическая проблема. Возникают конфликты между национальными судами и международными институтами. Идем ли мы к регионализации, к пересмотру Потсдамско-Ялтинской системы? Исходя из этого, важно посмотреть на предмет правовых исследований в международном контексте и в контексте автономии национально-правовых систем.

Закончить хочу определением важности концепции ментальной географии — важно не то, где живет человек, а то, кем он себя считает. Ментальная география модифицирует наше представление о предмете историко-правовых исследований и заставляет нас подумать о создании нового языка. Фундаментальное представление состоит в том, что нужно отказаться от попытки выразить особенности отдельных правовых культур понятиями, взятыми из языка правовых систем других стран. Это вопросы герменевтики, когнитивной лингвистики и вопросы диалога. В этом контексте предметом истории права является история зон встречи цивилизаций. Мы стоим перед проблемой понимания процесса культурного взаимодействия, которое должно опираться на знание истории.

Петрова М. С.: Слово «традиция» в юридическом контексте часто понимается как нечто общеобязательное, общегосударственное — как постоянное повторение. Когда мы говорим о правовой традиции, важно учитывать и повторение, и официальное толкование. Что же такое правовая традиция? Историки, как правило, остаются в рамках темпоральной парадигмы. Юристы же выходят за ее пределы и обращаются к современности.

Полдников Д. Ю.: Готовя авторский учебник по сравнительной истории зарубежного права, я выбрал его стержневым понятием правовую традицию как аналитическую модель изменений разных исторических типов права. На мой взгляд, это наиболее подходя-

щее обозначение предмета изучения. В целом история права — это осмысление его изменчивости в зависимости от социокультурного контекста эпохи и представлений самих исследователей. Универсальные аксиомы для человечества (максимы естественного разума) обнаружить крайне сложно. Основы такого понимания заложила немецкая историческая школа права XIX в.

В основе аналитической модели правовой традиции лежит функциональный подход к изучению права через его воздействие на общество. Это дает возможность описывать и сравнивать такое разное право, как римское и китайское, по основным компонентам их традиции. Нельзя представить себе традиции, во-первых, без их носителей, во-вторых, без формального выражения в источниках права, а значит, и без приемов толкования и применения норм права. Такой подход не бесспорен и подвержен критике функционализма за пренебрежение культурной спецификой разных обществ. Но именно он позволяет сориентировать будущих специалистов-правоведов на значение опыта прошлого для современности.

История права предстает социокультурным пространством, в котором раскрывается идея права в самых разных исторических типах. Право, сосуществующее с государством и без него, право устное и писанное, право позитивное и религиозно-традиционное. Изучение традиций, несомненно, позволяет описывать и объяснять устойчивое правовое многообразие мира.

Впрочем, наряду с преемственностью, изучающим историю права необходимо осмысливать и объяснять изменение традиций с помощью рецепции, правовой экспансии, аккультурации, то есть взаимовлияния правовых культур.

Меллина М.: Хочу привести пример из личного опыта. Я обучался истории права как в Италии, так и во Франции. В истории права в Италии практически отсутствует изучение XX в. У нас сильна традиция изучения римского права. Когда я учился в аспирантуре во Франции, то заметил совсем другой подход — связь истории

права с политической мыслью. Там мы изучаем не только законодательство, но и людей, которые размышляли о праве, участвовали в его создании. Почему так? Потому что существует французская традиция, идущая от Руссо, Монтескье и Вольтера.

В Италии исследование в основном ограничивается периодом до Французской революции. Это связано с тем, что итальянское государство молодое и большее внимание уделяется региональной истории права. В итоге складываются разные нарративы — государственности и региональности. И это важная разница: история права — это не только предмет для студентов. Все, что происходит в университете, связано с развитием науки и влиянием на формирование научных школ.

Курсы тоже отличаются: в Италии основной акцент делается на Средневековье и раннее Новое время (до Французской революции), во Франции — наоборот, на период после Французской революции. Формально Италия и Франция входят в одну правовую традицию, но подходы здесь разные. Все это влияет на будущих исследователей.

Возникает вопрос: что такое история права? Это история законодательства или история традиции? Само слово «традиция» звучит в научном контексте не совсем корректно. Во Франции используется другой термин — *la culture juridique*.

Соловьев К. А.: Марко Меллина, Вы говорили о европейской правовой традиции изучения истории права. А как насчет Востока? Исламского мира? России? Эти темы присутствовали в ходе вашего обучения?

Меллина М.: Нет, мы вообще ничего не знаем о России. В учебных курсах есть история права Франции и Германии, но не России. Понятие «европейская правовая традиция» — это искусственная конструкция. Национальные традиции гораздо более осмыслены. Даже в пределах одной страны, например Италии, север и юг развивались по-разному. Очень сложно говорить о чем-то едином, даже в рамках «региональных традиций».

Краковский К. П.: Что мешает формированию правовых традиций? На мой взгляд, разрывы преемственности. Мы наблюдаем обрывы правовых практик и традиций в России. Хотя создаются правовые доктрины, ориентированные на сохранение традиционных ценностей. У нас провозглашены 17 таких пунктов — ценностей (в их числе высокие нравственные идеалы, приоритет духовного над материальным и пр.), среди которых две, имеющие правовую природу. Речь о правах и свободах человека и праве на достоинство личности. Но их «традиционность» для юридического быта Отечества весьма спорна. Права и свободы человека были закреплены, как известно, в российском законодательстве только в начале XX в. В советский период права были закреплены в конституциях, но не отстаивались и не соблюдались в реальной жизни. Запад же стремится сохранять наработанные традиции.

Соловьев К. А.: Если опыт прерывается, можно ли вообще говорить о традиции? Ведь большинство традиций, о которых мы вспоминаем, на деле являются «изобретенными».

Краковский К. П.: Я бы не говорил об изобретении, скорее — о наработке. Сошлюсь на М. Ф. Владимирского-Буданова. Этот видный дореволюционный историк права выделял обычное право и право государства. В предложенной им типологии форм права поначалу превалировало первое, потом обе формы находились в равновесии, и, наконец, с XVIII в. произошло превалирование второго, то есть закон по существу вытеснил обычай. Это живая цепь развития.

Кодан С. В.: Если говорить о региональности, то мы действительно существуем в общем пространстве. Важно понимать: в каждой системе возникают свои потребности. Возникает вопрос: как традиция удерживает все, что было накоплено, и насколько допустима дискретность? Сравнивать прерванные явления можно, но только если институт имеет устойчивую социально-политическую основу. Сейчас модно искать многовековую «историю института», но это не всегда дает нужный результат. В советское время часто все отри-

цалось. Но традиция сохраняется — в том числе через личностный фактор. Научная ментальность дореволюционной школы продолжала жить. Это интересно с точки зрения формирования и функционирования традиции.

Еще один важный момент — единство терминологии. Пока не будет понятийного единства, мы не сможем продуктивно работать. Важно вырабатывать не только термины, но и понятия, а также разрабатывать вопрос адаптации этих понятий. Отсутствие общего языка — это тупиковая ветвь развития междисциплинарности.

Соловьев К. А.: Все конференции начинаются с идеи выработать общий язык и, как правило, на этом же заканчиваются. Возможно ли все-таки такой язык выработать?

Кодан С. В.: Единый язык, конечно, невозможен. Но мы можем создать единое понятийное пространство, чтобы было понятно, как рассматривать одно и то же явление в разных проекциях. Речь не о терминах, а о системе понятий и о понимании, о чем идет речь.

Борисова Т. Ю.: В чем суть беспокойства по поводу «общего языка»? Есть наука и есть не-наука. Цель научного исследования — это решение определенной задачи, которая ставится в рамках конкретной дисциплины, вклад в исследование какой-либо научной проблемы. Эти проблемы могут быть разными у правоведов, историков права и просто историков, и понимание разницы исследовательских задач — залог уважительного отношения к тому, как другие научные направления работают с правовой проблематикой. Мы подошли к очень важной теме — использованию исторических понятий о праве. Внимание к языку, терминологии и ее использованию в разных контекстах — то, что потенциально объединяет нас всех.

Туманова А. С.: Выскажусь о правовой традиции и ее преемственности. Об этом только что говорил Константин Петрович [Краковский]. Западная традиция права, как писал Гарольд

Берман в книге «Вера и закон: примирение права и религии», характеризуется преемственностью. Там существует достаточно четкое разграничение между правовыми институтами и институтами иного, неправового типа. Право — не единственный регулятор. Есть также мораль, политика. А распоряжение правовыми институтами вручается там людям, составляющим группу так называемых законников (юристов). Когда профессиональное знание привлекается к формированию традиции, это важно. Право — не метainститут. Это только один из социальных регуляторов, наряду с другими. Мне кажется, что необходимо иметь несколько определений права: во-первых, сугубо прикладное, как юридического документа, и более широкое, исследовательское, как социального института, изменчивого в пространстве и во времени.

Заседание 3.

Вопросы для обсуждения: Насколько эффективно «работают» традиционные методы историко-правовых исследований в современных условиях? Непрерывность изучения истории права в России; преемственность дореволюционного и советского периодов.

Борисова Т. Ю.: Насколько эффективно работают «традиционные» методы? Какова непрерывность изучения права в России? Возможно, стоит начать с уточнения: что такое «традиционные методы»? Также встает вопрос: что мы понимаем под «традицией» и какова ее преемственность? Анастасия Сергеевна [Туманова] поставила важный вопрос об экспертной оценке и роли экспертного сообщества. Действительно, кто отвечает за критерии научности в историко-правовых трудах? Кто формулирует и предъявляет требования к научному исследованию? Еще один важный момент — с какого момента следует начинать рассматривать историю права в России как особую сферу научного знания?

Медушевский А. Н.: Под традиционными методами можно понимать историографический мейнстрим, академическую школу в историографии, так называемую государственную школу русской историографии. Это классическая школа с эволюционистским подходом, философской базой которой была гегелевская философия права. Эта школа сыграла большую роль в развитии исторической науки. По сути, она создала социологию русской истории, выявив ключевые факторы русской государственности.

Эта концепция работает до сих пор. Доказательства в том, что современная наука не предложила революционных решений в отношении ключевых тем: петровских реформ, реформ Александра II, столыпинской модернизации. Мы по-прежнему воспринимаем их так же, как и дореволюционные историки. Что изменилось? Нововведения касались расширения источниковой базы, уточнения фактических данных, появления новых методов. Здесь возникает вопрос о соотношении классической историографии и новых методов. Произошел отказ от эволюционизма как линейной модели (Спенсер, Маркс, Конт). XX в. показал, что история — это не одна линия развития. Возник интерес к культурной антропологии, что привело к отходу от эволюционизма. Появились новые темы: цифровые методы, трансгуманизм, права животных, гендерные вопросы, технологии, проблемы памяти и забвения, авторские и конституционные права. Таким образом, классическая наука работает, но она работает применительно к классическим проблемам, новых проблем она не объясняет, и здесь возможна комбинация методов.

Второй вопрос о преемственности — пограничный вопрос. Между дореволюционным и советским периодами — разрыв или связь? Постсоветский период вообще выпадает. Советская эпоха — это продолжение или аномалия? Если считать ее аномалией, можно вернуться к концепции государственной школы. Здесь бы я хотел говорить о концепции непрерывности, которая включает и преемственность, и разрывы. Разрыв — это не отмена

преемственности, а ее форма. Например, устойчивость таких трендов, как роль государства и церкви, природа власти. Сегодня важно говорить не только о методах, но и о постановке вопросов. Классическая историография в том числе выработала ряд ответов, актуальных для современности.

Борисова Т. Ю.: Декларируемый разрыв и реальная практика часто не совпадают. Это нам напоминает идею Алексиса де Токвиля: революция — это одновременно переворот и продолжение. Преемственность — очень важная тема. Анастасия Сергеевна, вы занимались государственной школой. Можете рассказать о ее значении?

Туманова А. С.: Когда мы поставили вопрос о традиционных методах в истории права, то имели в виду формально-юридический, сравнительно-правовой и иные методы. Но часто они используются шаблонно. Может, стоит отказаться от этого «джентльменского набора»?

Государственная школа сыграла важную роль: она предложила развернутую концепцию объяснения роли государства в истории России, взаимоотношений государства и общества и др. Между тем подходы к осмыслению исторического процесса не стоят на месте. Сегодня, например, весьма важен институциональный подход. Он позволяет изучать общество и право как сложные институциональные структуры, выявлять природу и механизмы общественных связей, встраивать социальные институты в конкретный исторический контекст культуры, традиций, представлений, в котором они существовали.

Возьмем, к примеру, юридическое образование как социальный институт. Подготовка юристов была, по сути, подготовкой государственных служащих, но в ходе этого формировалось образованное интеллектуальное сообщество. Складывались печатные издания (газеты и журналы), различные юридические ассоциации, они плотно взаимодействовали и обретали статус важных публичных институций. Эволюционировали не только законы, но и язык, логика принятия решений.

Преемственность — сложный вопрос. Соединять советский и имперский периоды трудно: разные архивные фонды и различные языки. Но для некоторых исследований это необходимо. Например, изучая формирование в России начала прошлого века институций гражданского общества, важно понять, было ли гражданское общество в советской России и являлась ли советская публика публикой? Какие стратегии использовали общественники, чтобы встроиться в советскую систему? Преемственность нужна там, где она позволяет прояснить суть явления и процесса.

Верняев И. И.: Интересно соотношение этатистской составляющей права и параллельных нормативных систем. В эволюционистской модели они противопоставляются. Но более гибкий подход применим и к имперскому, и к советскому периоду. Пример — исламское право после реформ: этатистская правовая система и религиозное право существовали параллельно. Также и с общиной. Она создавалась в значительной мере сверху, но постепенно становилась институтом общинного права, а затем — основой законодательства 1861 г. В советское время происходило то же самое. Этатизм сохранялся, но параллельно развивались ассоциации и их корпоративные нормы. Это не вытеснение одной правовой составляющей другой, а более сложная взаимосвязь.

Возьмем, к примеру, разработку Устава об управлении инородцев 1822 г. Один из родовых лидеров вводит земледелие, русскую одежду и пр., и здесь возникает конфликт с сообществом. М. М. Сперанский как генерал-губернатор Сибири должен был решать проблему. При разрешении конфликта он имел возможность ближе узнать местное общество. Устав опирался на существующие практики, адаптировался к обычному праву. До конца XIX в. система реально работала. Буряты, когда речь зашла о ее ликвидации, уже защищали эту модель.

Борисова Т. Ю.: Соглашусь, что сосуществование разных нормативных порядков — это очень важная тема.

Верещагин А. Н.: Истоки обсуждаемой проблемы — в подмене вопроса о методе вопросом об объяснительных подходах. Классические методы — историко-хронологический, проблемно-исторический и другие — никто не отменял. Но в ходе нашей дискуссии мы все больше говорили именно о парадигмах. Государственная школа — это не метод, а объяснительная парадигма. Вопрос о ее применимости — это не методологический, а историографический вопрос. Может ли историко-юридическая школа объяснить то, что было после нее? Где граница ее объяснительных возможностей?

Относительно разрыва — нужно понимать, что методология тесно связана с терминологией. Наша базовая терминология — это термин «дореволюционный». Что это значит — «дореволюционный»? Это тысяча лет, объединенных одним ярлыком. Внутри этого периода масса совершенно разных явлений. Без революции у нас не было бы даже одного слова, чтобы описать весь этот период.

Когда мы говорим о разрыве, мы на самом деле обсуждаем преемственность. Фактов много, общество большое, связи сложные. Так что же такое «разрыв»? Каков его эталон? Пока у нас нет четкого понятия «разрыва», обсуждать его — значит топтаться на месте.

Бабкова Г. О.: Вопрос о методах — это историографический вопрос. Государственную школу можно и нужно изучать вне ее собственного нарратива, то есть рассматривать в контексте историографии. И только разобравшись с этим контекстом, мы можем использовать ее понятийный аппарат.

Разрыв в методах — это историографическая лакуна. Нам важно понять, на кого ссылались советские историки? Кто формировал их представления о праве? Только так может быть дан ответ на вопрос о преемственности или разрыве в историографических подходах. В качестве примера можно обратиться к наследию Сергея Мартиновича Троицкого — классика советской историографии. Если в его фундаментальной работе «Русский абсолютизм и дворянство» заменить концепт абсолютистского государства на по-

пулярный ныне концепт современного государства, получится почти современное исследование, поскольку для Троицкого, во-первых, была важна историография дореволюционного периода, а во-вторых, он был хорошо знаком с классическими работами М. Вебера.

Государственная школа вычистила из права сюжеты, связанные с правоприменением. Право стало пониматься как норма, а не как живая правовая реальность. Зачем изучать реальность, если можно изучать поле норм? Во многом это произошло под влиянием философии истории и философии права Гегеля. В итоге, как, например, в исследованиях Б. Н. Чичерина, изучение правовых реалий превратилось в поиск доказательств правильности и состоятельности «умозрительных» (так их называл П. Н. Милюков) философских конструкций.

Мы должны идти к истории людей, которые творят право, к их мыслям, решениям, действиям. А для этого в том числе нужно заниматься историографией, чтобы понять, почему в предшествующий период вектор интереса был иным.

Кодан С. В.: Очень большая проблема в истории права — наличие дисциплин, которые развиваются очень медленно, например юридическое науковедение. Это проблема юридической историографии, ее нет в диссертациях. Это проблема недостатка методологии конкретной исследовательской деятельности. Традиционные методы — не то, что нас должно интересовать само по себе. Важно, что эти методы позволяют раскрыть. Нас должна интересовать содержательная сторона.

Другая важная проблема — преодоление разрыва, методика работы с дискретностью. Как анализировать советскую литературу по истории государства и права, которая очень специфична? Интересная методика была предложена Сергеем Сергеевичем Алексеевым. Здесь обозначена проблема, как используется дореволюционная литература. Есть немало работ советских историков, хотя и без ссылок, но фактически адаптировавших труды дореволюционных исследователей.

Последний момент — при изучении советского периода мы часто являемся заложниками классического подхода. В советское время в классическом понимании не было ни государства, ни партии. Это была очень своеобразная идеографическая партийно-государственная модель, а мы по-прежнему каким-то образом от этого уходим, не показываем, каким образом идеология и политика работали в государственно-правовом механизме. Вот эти вот вопросы, мне кажется, что мы сегодня их обозначили. И такие наши встречи необходимы.

Туманова А. С.: По моему мнению, перспективным направлением для современных исследований является социальная история права. Она ведет речь о праве как о социальном институте, о взаимном влиянии права и общества друг на друга. Социальная история права переносит акцент с традиционного для правовой истории «внешнего» изучения правовых институтов, осуществляемого через анализ норм, на исследование их функционирования в конкретном социально-культурном контексте. Она исследует разнообразные социальные явления, влияющие как на содержание закона, так и на практики правоприменения, на судебные процессы, юридические корпорации. Социальный историк права изучает три базовых элемента правовой системы: юридические элиты и механизмы их функционирования, институты, а также правовую культуру, то есть мировоззренческие установки, способы мышления и поведения элит.

Петрова М. С.: Проблема преемственности и непрерывности изучения истории права — это вопрос историографический. И он даст ответы на многие методологические вопросы. Методология — это не только формальные схемы, но и новшества, возникшие, например, после лингвистического поворота. Цифровая гуманитаристика обычно не ассоциируется с историей права. Она пришла в экономическую историю, а не к нам. Но правовая составляющая может быть предметом исследований Big Data. Существует огромное количество архивного материала, который никто

не обрабатывает. Но с помощью нейросетей, автоматического анализа, распознавания текстов — можно работать. Мы в ШИН этим занимаемся.

Например, можно начать с малого — описи архивных документов. «Прогнать» ее через нейросеть уже реально. Большие данные начинаются с малого. Есть нейросети, которые учатся расшифровывать текст. Есть лингвистические модели. Хотим мы того или нет — мы уже работаем с Big Data.

Полдников Д. Ю.: А о каких именно моделях идет речь? Какие есть результаты?

Петрова М. С.: Используются инструменты анализа текста — Python, FineReader. Например, проект по указу Екатерины II об ускорении уголовного судопроизводства: мы собрали базу данных и выставили отсечки по скорости делопроизводства. В итоге выявили, что медианный срок разбора имущественных составлял примерно около месяца. Это были не тяжкие преступления, а дела о кражах. *Получилось, что система права работала иначе, чем это представлено в историографии.* Это была гипотеза, которую решили проверить через расчеты. Ручной подсчет по датам, включая високосные годы, практически невозможен.

Верняев И. И.: Количественные методы иногда дают значимые результаты. Например, был ли эффективен пореформенный суд? Мнения разные. Мы посчитали количество гражданских дел в 1885 г. и соотнесли с численностью населения. Например, в Бессарабской губернии получилось более 30 гражданских дел на 1000 человек. Это значит — на 200 семей приходится около 30 дел в год. Это массовое явление. Причем с тенденцией к росту. Такие простые подсчеты ставят важные вопросы и помогают на них отвечать. Но готовы ли архивы к массовым оцифровкам?

Петрова М. С.: Существует, конечно, проблема высокой стоимости и затратности подобных исследований. Будут ли эти затраты окупаться? К примеру, оцифровка ревизских сказок окупается — их используют в генеалогии. В Тверском архиве уже все

сканируют и выкладывают в открытый доступ. Вопрос в грантах и финансировании.

Бабкова Г. О.: Вопрос еще в вычитке и перепроверках. Мы решаем это вручную — федеральные архивы не дают доступа к сканам. Все приходится делать вручную. И нужно помнить, что опись дела не равна самому делу. Это отдельная большая источниковедческая работа.

Краковский К. П.: Позволю себе метафору из советского фильма «Москва слезам не верит». Один из его героев сказал: «Скоро будет одно сплошное телевидение». Мы сидим, обсуждаем вопросы источниковедения, а скоро всех заменят алгоритмы и «сплошной искусственный интеллект». Воспитанное на источниковедении поколение исчезает.

Бабкова Г. О.: Согласна. *Москва слезам не верит* — абсолютно точно сказано. Без источниковедения все превращается в схоластику. Пример с Пикассо: прежде чем писать «Авиньонских девиц», он должен был научиться рисовать.

Подведение итогов

Бабкова Г. О.: У нас состоялся содержательный разговор, в ходе которого был обозначен целый ряд проблемных точек и зон соприкосновения. Общая позиция сводится к следующему:

1. Работа с понятиями — необходимо выстраивать поля взаимодействия через уточнение и согласование ключевых категорий. Один из возможных проектов — создание словаря *исторических юридических понятий*.

2. Историография — существует насущная необходимость в серьезной историографической работе. Это важнейшее поле междисциплинарного взаимодействия. Может быть, нам стоит выстроить *полный список работ*, аналогичный тому, что существует в проектах по истории понятий.

3. Источниковедение и методология — обсуждение должно касаться как традиционных, так и нетрадиционных методов. Са-

мым фундаментальным остается классическое источниковедение. Его необходимо поддерживать и распространять. Без него ни в истории, ни в истории права невозможно построение верифицируемых научных моделей.

Важно расширять источниковую базу, включая в нее новые проекты, в том числе издательские, в которых уже участвуют многие из нас. Это создаст по-настоящему надежную, проверяемую основу для будущих исследований.

Туманова А. С.: С самого начала мы ставили вопрос: возможен ли диалог между историками и юристами, занимающимися историей права? Ответ — да, диалог возможен, и сегодня он состоялся. Мы выяснили, что читаем одни и те же книги, озабочены одними и теми же процессами. Очень важно, что мы разбираемся в объяснительных схемах. Юридическая школа дала сильный импульс к концептуализации. Современные методы — история понятий, антропологический подход, цифровые инструменты — важны, и мы не должны себя ограничивать.

Всем хочется пожелать заниматься исследованиями. Не существует двух сообществ. Есть научные исследования и есть ненаучные исследования. А стандарты научности универсальны для всех.

Кодан С. В.: Мы профессионально обозначили не только точки соприкосновения, но и важнейшие проблемы, которыми стоит заниматься дальше. Важно сделать такие встречи регулярными и тематическими, и, например, посвятить следующие обсуждения истории понятий или внешней истории государства и права.

Верещагин А. Н.: Рефлексия над методологией — это зрелость науки. У нас сложилась традиция писать в научных работах раздел «Методология». Это явление советского времени. В дореволюционной науке такого не было. Сама по себе методологическая рефлексия — вещь нужная, но при этом хотелось бы видеть больше качественных исследований, наполненных фактами. Сегодня многие важные темы остаются неосвещенными. Разрыв в научной традиции столь велик, что часто неизвестны даже элементарные

вещи. Может быть, нужно просто оглядеть все поле историко-правовых исследований и посмотреть, где какие пробелы есть. Чтобы рефлексия была плодотворной, нужно думать о том, что дает нам метод и действительно ли он влияет на качество результата. Метод — не результат сам по себе, а лишь инструмент. И важно понять: приносит ли он практический результат?

Бабкова Г. О.: В защиту методологии: любой рецензируемый журнал требует методологической рамки исследования. Если мы говорим об истории науки, методология — это не теория ради теории, а способ верификации инструмента. Исследование должно быть повторяемо и объяснимо.

Нижник Н. С.: Мне удалось дистанционно прикоснуться к живой дискуссии. Большое спасибо за возможность поставить важные вопросы. Полностью поддерживаю предложение Галины Олеговны по созданию словаря юридических понятий. Ни одно современное гуманитарное исследование не может быть убедительным без количественных аргументов.

Борисова Т. Ю.: Когда читаешь литературу, обращаешь внимание: все ходят по проторенным дорожкам. Стоит чуть свернуть — и сразу ничего нет. Самое важное — ставить новые вопросы и привносить новое знание. А дальше встает вопрос: куда нести? В свой кружок? Историкам права нужно выходить из зоны комфорта привычных аудиторий специалистов.

Полдников Д. Ю.: Подобные встречи дают возможность поставить новые вопросы к источникам. Есть смысл подумать о расширении круга участников за пределы столичных научных центров и даже пригласить коллег из Китая, Индии, других регионов, чтобы расширить методологическую рефлексию до глобального контекста.

Аверин М. Б.: Если посмотреть работы юристов в порядке самокритики, то можно встретить специфику особого рода. Берется материал без ссылок у дореволюционных юристов или у историков, не историков права. Почему-то считается, что, если есть

работы по истории по данной тематике, нужно еще обязательно сделать работу по истории права. Такое исследование будет базироваться на работах по истории, но на них нужно сделать поменьше ссылок и добавить побольше юридической догматики. Но вот в чем проблема: если так подходить к исследованию, не зная источников, — а нас, историков права, не учат источниковедению, — тогда возникает вопрос: как можно дать правильную юридическую оценку, если исследователь не владеет источниками, воспринимая их с чужих слов? С другой стороны, историки не владеют юридической догматикой. В таком случае возникают разнообразные перлы, например «думская монархия» вместо монархии дуалистической. Эти проблемы необходимо преодолевать.

Соловьев К. А.: Замечательно, что мы начали говорить и не договорили. Это лучший признак того, что есть, что обсуждать, и наш разговор получился по-настоящему живой и интересный. Ошибочно думать, что все источники по истории права давно освоены. Отнюдь. Мы не все прочитали. Корпус источников XIX в. чрезвычайно изменчив. Огромное количество материалов так и не введено в научный оборот, многое по-настоящему не исследовано. А вопрос методологии — это всегда вопрос чтения текста. Нас, обсуждающих все эти вопросы, пока не так много. Но помните слова Вершинина из чеховских «Трех сестер»? «Допустим, что среди ста тысяч населения этого города, конечно, отсталого и грубого, таких, как вы, только три. Само собой разумеется, вам не победить окружающей вас темной массы..., но все же вы не исчезнете, не останетесь без влияния; таких, как вы, после вас явится уже, быть может, шесть, потом двенадцать и так далее, пока наконец такие, как вы, не станут большинством. Через двести, триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной...».

Обзор круглого стола составлен Г. О. Бабковой, А. С. Тумановой, Т. В. Кроз.

Бабкова Галина Олеговна, кандидат исторических наук, доцент, руководитель Школы исторических наук, Факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

gbabkova@hse.ru

Кроз Татьяна Владимировна, магистрант программы «История современного мира», Школа исторических наук, Факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

tvkroz@edu.hse.ru

Туманова Анастасия Сергеевна, доктор исторических и юридических наук, профессор, Школа исторических наук, Факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

atumanova@hse.ru